

И.Ю. Жилина

КАКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НУЖНА РОССИИ?

*Направо пойдешь – коня потеряешь,
прямо пойдешь – голову потеряешь,
налево пойдешь – и коня и голову
потеряешь*

Русская народная сказка.

Оценка современного состояния отечественной экономики

Второго января 2012 г. экономическим реформам в России исполнилось 20 лет. На протяжении этого периода основные направления государственной политики неоднократно корректировались и менялись.

Ситуация 1990-х годов определялась разрушением советской плановой системы и закладыванием основ рыночной. Главным лозунгом первого десятилетия нового века сначала были «стабилизация» (первый и второй сроки президентства В.В. Путина), как противопоставление бурным процессам 1990-х годов, а затем – «модернизация» (президентство Д.А. Медведева). Но если российскую экономику удалось в целом стабилизировать (правда, не без помощи высоких цен на энергоносители), то объявленное направление на модернизацию не было реализовано. В 2009 г. российское правительство также реализовало антикризисные мероприятия, потратив на это не менее 2,112 трлн. руб., или 5,4% ВВП 2009 г. [Акиндинова Н.В. и др., 2011].

Но результаты реформ мало кого удовлетворяют, и они далеки от декларируемых целей. Общие итоги 20-летнего развития малоутешительны: страна ушла от плановой экономики, заплатив за это деиндустриализацией, выпадением из когорты развитых

стран и дрейфом в сторону периферийных государств – поставщиков сырья для мировых экономик.

Российская экономика фактически вернулась в доиндустриальную эпоху. Доля обрабатывающей промышленности в валовой добавленной стоимости упала с 22% до 16, доля машиностроения – с 9 до 1%. Кроме того, если в 1990 г. 44% экспорта приходилось на обрабатывающую промышленность и 10% – на машиностроение, то к 2010 г. их доли сократились соответственно до 22 и 6% [Пономаренко Н., 2011]. В то же время импорт машин и оборудования вырос с 31,4% в 2000 до 51,5% в 2009 г. [Чувакина В.С., 2011, с. 85–86]. По оценкам специалистов РАН, сегодня российская экономика в основном функционирует в рамках IV технологического уклада (ТУ) с элементами пятого, хотя и обладает потенциалом для завершения перехода к V ТУ с одновременным завоеванием ниш (10–15% мирового рынка) в рамках VI технологического уклада [Гринберг Р.С., Горшков М.К., 2012].

По оценкам экспертов, деиндустриализация экономики России является результатом бессистемного реформирования экономики на основе принципов «Вашингтонского консенсуса» (последовательное дерегулирование хозяйственной деятельности, приватизация госпредприятий, рестриктивная финансово-кредитная политика) при сохранении раздутого, неэффективного и коррумпированного госаппарата, высоких налогов на доходы от труда и капитала, административных методов «ручного управления» [О стратегии развития..., 2011, с. 19]. Неслучайно, члены Фонда «Реформа» (Л. Абалкин, С. Ассекритов, В. Бакатин, С. Фатеев, С. Шаталин) еще осенью 1994 г. писали о том, что спад производства, деиндустриализация страны имманентно присущи выбранному властями курсу и в его рамках не могут быть преодолены [Основные тенденции..., 1994].

Особую роль в этом процессе сыграла приватизация, отличавшаяся рядом особенностей по сравнению с аналогичными процессами в других странах [Разуваева Н.Н., 2009]. Анализ итогов приватизации, проведенный Счетной палатой России, показал, что она «была проведена по худшему варианту из всех европейских стран». «В итоге более 60% промышленного потенциала страны оказалось за бортом, многие предприятия были обанкрочены, потеряли инженерный корпус. Вторая в мире советская экономика упала почти на сто позиций» [Степашин: Чубайс честно..., 2012]. Вместо передовых отраслей в российской индустрии усилились более примитивные сырьевые, поскольку их продукция пользова-

лась спросом за рубежом [Трейвиш А.И., 2002, с. 23]. В то же время у новых собственников не возникало мотивов легального развития предприятий, приватизированных с помощью подкупа чиновников по многократно заниженной цене. Кроме того, реформы сопровождались колоссальными потерями накопленных знаний. Приватизационная кампания привела к фактическому уничтожению прикладной науки, а более чем десятикратное сокращение расходов на НИОКР в 1990-е годы повлекло обесценивание имеющегося в стране запаса знаний [Глазьев С.Ю., 2012].

Хотя в результате приватизации в России действительно изменилась форма собственности, такие деклариовавшиеся цели, как создание широкого слоя эффективных частных собственников, повышение эффективности предприятий и их конкурентоспособности на мировом и отечественном рынке, достигнуты не были [Коптев В.И., 2010]. Катастрофический экономический результат российской приватизации объясняется тем, что ее организаторы не ставили задачу получения достаточных средств для модернизации предприятий и отраслей, повышения эффективности управления. Они преследовали иные, политические цели – быстрое создание слоя частных собственников, которые могли бы стать опорой нового строя и нового политического режима [Разуваева Н.Н., 2009, с. 59; Степашин: Чубайс честно..., 2012].

И в фазе восстановительного экономического подъема страны (1999–2007) не удалось решить задачу структурного разворота экономики [Гринберг Р.С., Горшков М.К., 2012; Рязанов В.Т., 2011, с. 158]. Эксперты весьма жестко оценивают деятельность властей по реформированию. Стабильность страны «куплена за нефтедоллары и подстрахована “подушкой безопасности”, надутой из тех же источников. Кризис показал, насколько этот запас спокойствия ненадежен и как мало от нас зависит» [Обретение будущего..., 2011, с. 11].

Далеки от оптимизма и оценки ситуации населением России. По данным социологических опросов, большинство опрошенных (около 60%) считают, что вектор развития, избранный после крушения СССР, в целом верен, и рано или поздно страна выйдет на траекторию устойчивого экономического и политического развития. Однако около 40% убеждены, что путь, по которому идет современная Россия, тупиковый. А 54% полагают, что экономика России потеряла динамизм, и ее отставание от ведущих держав мира будет только нарастать [Гринберг Р.С., Горшков М.К., 2011].

Главный вывод прошедшего периода заключается в том, что сырьевая модель, обеспечивавшая стабильность последнего десятилетия, становится тормозом для развития, порождает застой в экономике и низкую производительность трудовых ресурсов; монополизацию и отсутствие конкуренции; рост иждивенческих настроений в социальной сфере; высокий уровень бюрократизации и коррупции; отсутствие интереса к развитию, приоритет фискальных принципов при принятии государственных решений; диктат принципа «свой-чужой» в кадровой, инвестиционной и других сегментах государственной политики. Сегодня мы теряем капитал, инвесторов, людей, технологии, квалификации [План «Новая..», 2011]. Низкие темпы роста ВВП (не более 4% в год) недостаточны для решения задач, стоящих перед Россией. А действующая модель не может уже обеспечить увеличения темпов роста экономики страны.

Судя по заявлениям руководителей государства, политическая элита также осознает бесперспективность сырьевой модели экономики. Выступая на VII Ежегодном бизнес-форуме «Деловой России» в мае 2011 г., В.В. Путин признал, что сырьевая модель экономики исчерпала себя, она «не только ставит нас на низшие позиции в мировом разделении труда, главное – она не дает нам выйти на новую ступень в развитии человеческого капитала, добиться стандартов XXI века» [Выступление.., 2011]. Идея о необходимости формирования новой экономики с конкурентоспособной промышленностью и инфраструктурой, с развитой сферой услуг и с эффективным сельским хозяйством, работающей на современной технологической базе и способной к качественному росту в условиях жесткой конкуренции, содержится также в одной из программных статей В.В. Путина, опубликованной в ходе президентской кампании, и в его выступлении в Государственной думе в апреле 2012 г. [Путин В.В. О наших.., 2012; Стенограмма.., 2012]. Согласен с данной позицией и Д.А. Медведев, заявивший в ноябре 2011 г., что наша задача – «всемерно развивать промышленность, развивать реальный сектор, если хотите, провести новую индустриализацию, но только на принципиально иных началах, чем это было, например, в 30-е годы» [Вершинин П., 2011].

Россия сейчас снова находится на распутье, выбирая направление дальнейшего развития [Гринберг Р.С., Горшков М.К., 2012]. Признание В.В. Путиным факта масштабной деиндустриализации страны, потери качества и тотального упрощения структуры производства, а также поддержка предложенной «Деловой Россией»

концепции¹ новой индустриализации² страны позволяют надеяться на то, что политическая элита, наконец, перейдет от слов к делу. И России, возможно, удастся уйти от сырьевой модели экономики.

Экономические модели для России

В отечественном научном сообществе существуют различные точки зрения по поводу стратегий развития России, в том числе:

- стратегия интерактивной модернизации В.М. Полтеровича;
- стратегия опережающего развития С.Ю. Глазьева;
- стратегия Р.И. Нигматулина о сбалансированной экономике и стимулировании внутреннего спроса;
- стратегия инновационно-технологического прорыва А.А. Акаева;
- Стратегия-2020 «Новая модель роста – новая социальная политика» (В.А. Мау, Я.И. Кузьминов, Е.Г. Ясин и др.);
- Экономическая доктрина РФ Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (С.С. Сулакшин и др.).

Основные разногласия между специалистами возникают по следующим вопросам [Акаев А.А., 2012, с. 107]:

- что важнее в первую очередь: ускорение темпов роста экономики или снижение инфляции;
- с чего начинать: с улучшения институтов (институциональная модернизация) или стимулирования экономического роста (технологическая модернизация);
- на какой спрос надо ориентироваться: внутренний или внешний;
- какая модернизация больше подходит России: экспорто-ориентированная или импортозамещающая, догоняющая или про-рывная.

Сегодня экспертное сообщество предлагает две основные концепции построения новой экономической модели: формирование постиндустриального общества и новая индустриализация. Это два разных сценария развития страны, и, соответственно, две раз-

¹ Концепция новой индустриализации «Несырьевая модель социального государства» или «Новая индустриализация» (Концепция 25х25) была предложена на VII Ежегодном бизнес-форуме «Деловой России» в 2011 г. [План «Новая индустриализация», 2011].

² В качестве синонимов термина «новая индустриализация» часто используются термины «неоиндустриализация» и «реиндустриализация».

личные стратегии экономической политики. Формирование постиндустриального общества требует максимальной свободы предпринимательства, конкуренции, опоры в большей степени на малый и средний бизнес, чем на крупные корпорации. Этот сценарий предполагает намного более жесткую борьбу с коррупцией, сохранение низкой инфляции. В такой ситуации решающую роль будут играть система защиты прав собственности и качество судебной системы.

При ориентации на реиндустриализацию необходимо создать хорошие условия для крупных российских и иностранных компаний. Вероятно, предпочтительнее сохранить больше госсобственности, чтобы своими силами влиять на индустриальную политику. Возможно, следует максимально наращивать институты развития, чтобы они помогали этой новой индустриализации.

Многое зависит от того, насколько открытой останется Россия. При первом варианте политики открытость важнее, чем при втором [Гайдаровский форум-2012..., с. 34–35].

Постиндустриальный сценарий

Наиболее полно концепция перехода к постиндустриальному обществу представлена в обновленной Стратегии-2020 [Стратегия-2020..., 2012].

Авторы данного документа видят задачу страны в выходе «на траекторию устойчивого и сбалансированного роста в целях модернизации и догоняющего развития, перехода к инновационной стадии экономического развития и создания соответствующей ей инфраструктуры постиндустриального общества» [там же, с. 3]. Основой его экономики являются сервисные отрасли и отрасли, обеспечивающие развитие человеческого капитала (образование, медицина, информационные технологии, медиа, дизайн, «экономика впечатлений» и т.д.). Ключевым условием формирования в РФ новой модели экономического роста является переход от «экономики спроса» к «экономике предложения»¹. Эта задача может

¹ Такая модель подразумевает опору в основном на частный бизнес, для которого приоритетом при прочих равных условиях является снижение или, во всяком случае, неувеличение налогов. Что касается социальных расходов, то они хотя и могут обеспечить дополнительный спрос, но рассматриваются как инфляционные. Главное при переходе на модель «экономики предложения» – уменьшение госрасходов и налогов при повышении эффективности бюджетных трат, низкая инфляция, низкие процентные ставки.

быть реализована при темпах экономического роста не менее 5% в год, а также низкой инфляции [там же].

В Стратегии-2020 предлагаются конкретные меры, обеспечивающие формирование макроэкономических условий для мобилизации внутренних инвестиций и повышения доступности внутреннего кредита; оптимизацию и стабилизацию бюджетных расходов и налоговой нагрузки; повышение эффективности внутреннего рынка (за счет повышения уровня конкуренции, роста деловой активности, сокращения государственного и монопольного секторов); повышение эффективности рынка труда; поддержание и использование конкурентных преимуществ в сфере человеческого капитала и новой социальной политики; развитие международной интеграции, диверсификация экспорта; оптимизацию стратегий пространственного развития.

Новой экономической модели роста соответствует новая социальная политика, которая, по замыслу авторов документа, должна быть направлена не столько на поддержку малообеспеченных слоев населения, сколько учитывать интересы растущего среднего класса, способного реализовать потенциал инновационного развития, выбирать модели трудового поведения и потребления. Именно этот креативный класс, создающий и потребляющий инновационную продукцию, обеспечит, по их мнению, решающие конкурентные преимущества в соревновании экономик XXI в. [там же, с. 4–5].

Однако разработанный документ вызвал много критики. Специалисты, разделяющие идеологические ориентиры разработчиков Стратегии-2020, упрекают их в отсутствии в документе политического раздела, без которого «это просто 800-страничный документ, который будет лежать в кабинетах» [Самедова Е., 2012]. А их оппоненты, признавая профессионализм авторов и наличие в документе интересных предложений, которые могут быть востребованы, отмечают, что она является своего рода реинкарнацией программы гайдаровского правительства. Она строится на идеях «Вашингтонского консенсуса», и в ней представлена только идеология рыночного фундаментализма, хотя в России есть и другие экономические школы [Стратегию-2020 мог бы..., 2012; Самедова Е., 2012].

Ряд специалистов считают ложной и демагогической ориентацию на постиндустриальную экономику. России нужно идти не в постиндустриальное общество, а восстановить «экономику сегодняшнего дня» и провести новую индустриализацию [Стратегия-2020. Неужели правительство..., 2012; В. Иноземцев: Политическая..., 2012]. Необоснованной и бесперспективной целью они

называют и движение от «экономики спроса» к «экономике предложения». В реальных российских условиях исходным пунктом оздоровления экономики является развитие потребительского комплекса. Средства следует вкладывать в те подразделения, где этот спрос существует постоянно и никогда не исчезнет (питание, одежда и обувь, медикаменты, жилье, транспорт, в том числе автомобилестроение). Именно этот набор должен стать приоритетом государственной политики. Новинки XXI в. не приживутся в экономике, которая не решила задачи XIX в. [Стратегия-2020. Неужели правительство..., 2012; Шмелёв Н.П., Фёдоров В.П., 2012].

Кроме того, отмечается достаточно противоречивый характер документа: выдвигаемые предложения не всегда следуют из аналитической части, не все факторы, влияющие на развитие, учитываются. Вообще не рассматривается сельское хозяйство и академический сектор науки, как будто этих сфер деятельности в России и не существует.

Весьма критически оценивают оппоненты «Стратегии-2020» и требование ограничить роль государства как регулятора экономики и как собственника части средств производства. В этом случае едва ли удастся радикально изменить структуру российской экономики. Двадцатилетний опыт показывает, что рынок сам не может решить эту задачу [Примаков Е.М., 2012].

Предлагая фактически «перескочить» из сырьевой экономики в экономику постиндустриального общества, разработчики «Стратегии-2020» игнорируют роль промышленности в процессе этого перехода. Однако именно промышленность, особенно машиностроение, формирует спрос на инновации, обеспечивает повышение конкурентоспособности экономики, дает большой мультипликативный эффект: одно рабочее место в машиностроении создает семь рабочих мест в других секторах [Решетникова Е., 2011].

Объясняя позицию авторов «Стратегии-2020» по этому вопросу, один из руководителей экспертной группы Я.И. Кузьминов заявил, что «уклон» в сторону сервисной экономики вполне закономерен. По оценкам экспертов, к 2050 г. доля услуг составит более 50% мирового ВВП, а доля обрабатывающей промышленности может снизиться до 5%. По его мнению, «экономика будет настолько другая, что сейчас это трудно представить». Неважно, заявил он, где будут применяться инновации, главное, чтобы были люди, способные их генерировать. В то же время он признает, что полный отказ от промышленности был бы вреден для экономики. Но поскольку количество ресурсов в стране ограничено, вклады-

вать средства следует не во «вчерашний» день, например в электронную промышленность, а в такие ключевые сферы как дороги, образование и здравоохранение. «В остальных секторах пусть рискуют капиталисты со своими деньгами, а государство гарантирует им прозрачные правила игры и защиту прав собственности» [Серёгин О., 2012].

По-видимому, сторонники постиндустриального перехода не учитывают, что сегодня постиндустриальные страны, в первую очередь США и Великобритания, «испытывают явный дискомфорт». В сложном положении оказались также некоторые государства Европы (Ирландия, Испания, Италия и Греция), которых объединяет безразличное отношение к индустриальной политике и безответственное – к собственным финансам. «Эти страны... показывают остальным картину будущего, которое их ожидает, если тенденция к деиндустриализации возобладает» [Иноземцев В.Л., 2011, с. 92]. Кроме того, технологии, обеспечивающие лидерство развитым странам, не всегда создают в их экономиках «достаточно» добавленной стоимости. Америка, которая является и будет оставаться технологическим лидером еще длительное время, по экономическим характеристикам проигрывает Китаю, активно усваивающему созданные на Западе (даже не суперсовременные) инновации. Поэтому, хотя постиндустриальные отрасли находятся на острие технологического развития, их приоритет не может трансформироваться в устойчивое геополитическое и экономическое преимущество. И это пока далеко не все осознают [В. Иноземцев: Политическая..., 2012].

По мнению некоторых экспертов, модель экспортоориентированного развития исчерпала себя. Даже Китай, уже ставший «фабрикой мира», сегодня прилагает огромные усилия для стимулирования внутреннего спроса и частичной переориентации экономики на внутренний рынок. России следует больше ориентироваться на внутренний спрос, чем на внешний, так как она занимает восьмое место в мире по размеру внутреннего рынка. В случае оперативного запуска программ импортозамещающей технологической модернизации темпы роста экономики России уже через два-три года могут повыситься до 5–6%, а через четыре-пять лет – до требуемых для удвоения душевого дохода 7–8% в год. Кроме того, это позволит диверсифицировать экономику, чтобы обеспечить ее устойчивое развитие в условиях падения цен на нефть и роста дефицита бюджета [Акаев А.А., 2012, с. 110].

Новая индустриализация

В России сложилась достаточно мощная «группа поддержки» как в экспертной среде, так и в бизнес-сообществе концепции новой индустриализации, альтернативной постиндустриальному переходу. Более того, необходимость новой индустриализации признана на обоих флангах политического спектра: и левом, и правом [Губанов С.С., 2011].

О необходимости сохранения промышленного производства на национальной территории свидетельствует опыт ряда европейских стран, особенно Германии (доля обрабатывающего сектора в ее экономике составляет 30%), которые смогли сохранить промышленное ядро. Современная Европа является одним из мощнейших промышленных центров мира. Она в 1,5–3 раза превосходит США по объему выпуска основных промышленных товаров – от автомобилей и индустриального оборудования до металлов, химических и фармацевтических товаров. При этом на востоке ЕС формируется новая индустриальная зона, куда (а не в Китай) перебрасывается часть промышленных мощностей из базовых стран Евросоюза. Такие страны, как Польша, которые были ориентированы на индустриальный тип экономики и на промышленный экспорт, смогли не только устоять в период мирового финансового кризиса, но и вырасти. Польша – единственная из стран Европейского союза в 2009 г. показала рост ВВП, который составил 1,7% [Клюка К.О., 2012, с. 4]. Успех европейцев в нынешних условиях означает и успех самой сбалансированной модели развития, сочетающей инновации с продвижением промышленности [Иноземцев В.Л., 2011, с. 95].

Сторонники новой индустриализации отводят основную роль в реализации этой стратегии государству. Рыночные механизмы, особенно когда речь идет о переходе от одного ТУ к другому, дают сбой, так как привычные направления инвестирования капитала перестают приносить прибыль и нарушается механизм его воспроизводства. Еще более радикальную позицию по вопросу о роли государства в процессе реиндустриализации занимает С.С. Губанов, трактующий неоиндустриализацию как вторую фазу индустриализации человеческого общества, в основе которой лежит автоматизация производительных сил. Разработанная им стратегия *вертикальной интеграции производственных и бизнес-процессов*, подразумевающая объединение в рамках крупных фирм всех последовательных стадий переработки и производства сырья

до вывода конечной продукции на рынок потребует усиления государственного контроля над стратегическими, инфраструктурными, рентными отраслями экономики [Губанов С.С., 2008].

Эксперты подчеркивают, что важно развернуть идею реиндустриализации в продуманную промышленную политику, которая может включать ориентацию в долгосрочной перспективе на частный малый и средний бизнес; финансирование в наибольших объемах сфер промышленности с высокой производительностью и значительной долей высокотехнологичной продукции; курс на экспортную активность промышленной продукции и на глобальный рынок; открытость для привлечения зарубежных прямых инвестиций («длинных денег»); налоговые льготы новым промышленным предприятиям, вплоть до введения «налоговых каникул».

В то же время, стратегии, которыми пытаются заменить промышленную политику, не согласованы между собой. Их реализация сводится, как правило, к выделению из федерального бюджета средств, а остальные меры стимулирования не применяются [Глазьев С.Ю., 2012; Примаков Е.М., 2012; Решетникова Е., 2011]. В связи с этим предлагается вместо «россыпи стратегий» различных отраслей и секторов экономики, не согласованных друг с другом, разработать и реализовать развитие пяти основных комплексов: транспортно-промышленного, оборонно-промышленного, АПК, включая смежные производства, жилищно-строительного и ТЭК, каждый из которых в своем развитии опирается на тот или иной крупный сегмент внутреннего и внешнего спроса [Белусов Д.Р., 2012].

Общепризнанно, что основными приоритетами новой индустриализации являются: обеспечение конкурентоспособности российской продукции на внутреннем и в отдельных нишах мирового рынка; эффективное использование энергетических и трудовых ресурсов; формирование новых центров роста, развитие которых не зависит непосредственно от неустойчивой конъюнктуры глобальных сырьевых рынков [там же]. Но в подходах к реализации концепции новой индустриализации просматриваются некоторые различия. Одни делают ставку на восстановление прежнего экономического цикла с технологической модернизацией уже существующих секторов, другие – на запуск нового экономического и технологического цикла, ориентацию преимущественно на технологии VI ТУ.

Сторонники первого подхода указывают, что в ходе преобразований экономики по либерально-монетаристскому варианту

произошло не только «сжатие» воспроизводства, но и его системная деформация, сделавшая невозможным осуществление даже простого воспроизводства как основных, так и оборотных фондов. Поэтому основной задачей новой индустриализации является создание механизма интенсивного роста, который в долгосрочной перспективе должен сформировать базу для устойчивого развития и стабильного подъема страны.

Реиндустриализация предполагает ускоренный рост инвестиций в основной капитал – в 1,5–2 раза быстрее роста ВВП в отдельные периоды, что подразумевает реализацию проинвестиционной налоговой политики: расширение изъятия ренты в газовой промышленности и металлургии (сейчас уровень изъятия в этих секторах – примерно по 40–45% против 85% в нефтяной отрасли), рост акцизов на табак с максимально возможным (в размере примерно половины доизымаемого) снижением социальных отчислений примерно до 23–24% в среднем и НДС примерно на 1 п.п.¹ основной ставки. Но в силу неустойчивости ренты как источника доходов бюджета чрезмерный «размен» роста изъятия ренты на снижение налогов опасен для бюджетной стабильности. Поэтому оставшуюся часть ренты целесообразно использовать для поддержки деятельности институтов развития, главным образом для предоставления дешевых длинных кредитов по приоритетным направлениям, прежде всего инфраструктурным [там же].

Приоритетом при этом является не вытеснение и замещение традиционных отраслей и производств агроиндустриальной экономики, а ориентация инновационного сектора на их технико-технологическое обновление. Начать же программу реализации курса на новую индустриализацию следует с наиболее развитых и высокотехнологичных на сегодняшний день отраслей промышленности, например атомной и авиационной [Рязанов В.Т., 2011, с. 172; Клюка К.О., 2012, с. 7].

Последовательно отстаивающий концепцию новой индустриализации В.Л. Иноземцев предлагает развивать промышленное производство со средней добавленной стоимостью, в частности энергетическое машиностроение и судостроение. Этим отраслям необходимо предоставить существенные преференции, оградить от безумий чиновничества, активнее привлекать инвестиции. На некоторое время России стоит превратиться в площадку для чужих производств и перенимания опыта [Принуждение к иннова-

¹ п.п. – процентный пункт.

циям..., 2009]. Условием развития, особенно в машиностроении, является концентрация производства на ограниченном количестве наиболее современных предприятий, обеспечивающая их нормальную загрузку. Это подразумевает реструктуризацию независимых или входящих в госхолдинги ФГУПов, т.е. создание нескольких концернов, интегрированных по продуктовому принципу и / или обладающих синергетическими эффектами по географическому принципу. Впоследствии эти холдинги могут быть приватизированы.

По отношению к производствам, не имеющим перспектив развития без масштабного государственного субсидирования, может проводиться политика «управляемого перепрофилирования» (заккрытие производств и их трансформация в «браунфилды»¹ с последующим привлечением инвесторов для создания нового производства). В этом случае необходимо тесное взаимодействие федерального центра (программа реструктуризации, переговоры со стратегическими инвесторами), регионов (развитие соответствующих кластеров, программы переобучения персонала) и частных инвесторов [Белоусов Д.Р., 2012].

Одним из наиболее стойких приверженцев модели экономического развития с опорой на прорыв в новый ТУ является С.Ю. Глазьев. По его мнению, любой уже сформировавшийся, достигший насыщения ТУ потребует все больших затрат и даст меньше прибыли, которая в конце концов станет отрицательной, в то время как лидеры научно-технической гонки наращивают превосходство. И вход в эту технологическую траекторию для новичков оказывается все более дорогостоящим и экономически рискованным. Производства же принципиально нового ТУ существенно менее затратны, чем предыдущего. Поэтому именно сейчас, когда траектории VI ТУ еще не сформировались и идет конкуренция альтернативных технологий, у России есть шанс захватить лидерство на перспективных направлениях становления нового ТУ и тем самым «оседлать» восходящие потоки новой длинной волны экономического роста [Глазьев С.Ю., 2009].

Этот подход также представлен в докладе, подготовленном группой известных российских ученых Секции экономики Отделения общественных наук РАН [О стратегии развития..., 2011]. Авторы доклада полагают, что глобальный структурный кризис дает странам, отставшим от лидеров глобальной экономики, реальный шанс для быстрого подъема к уровню развитых стран за счет опе-

¹ Приобретение старых заводских корпусов «годных к употреблению».

режающего развития ключевых производств и факторов нового ТУ. Ключевыми направлениями являются биотехнологии, нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы, а также отрасли, предъявляющие спрос на его продукцию (ракетно-космическая, авиационная, атомная промышленности, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, солнечная энергетика). По мнению авторов, заделы, имеющиеся в этих областях, дают России реальные возможности для опережающего развития нового ТУ и шансы на лидерство в соответствующих направлениях формирования новой длинной волны экономического роста. Становление нового ТУ будет сопровождаться интеллектуализацией производства, переходом к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий. В новых условиях важнейшее значение приобретут научно-технический и интеллектуальный потенциал, а также требования к качеству жизни и экологичности среды обитания. В структуре потребления доминирующее положение займут информационные, образовательные, медицинские услуги, что предопределяет повышение роли науки, образования и здравоохранения, являющимися базовыми отраслями нового ТУ.

В докладе анализируются макроэкономические условия успешного развития российской экономики, инструменты налогово-бюджетной, денежно-кредитной, антимонопольной и ценовой политики (снижение налоговой нагрузки на все виды инновационной и высокотехнологической деятельности, приоритетное выделение бюджетных ассигнований на поддержку критически значимых для становления нового ТУ государственных расходов, а также относительное и абсолютное увеличение расходов на здравоохранение, науку, образование, поддержку инвестиционной и инновационной активности, модернизацию инфраструктуры). В том числе признается, что требуется мощный иницирующий импульс обновления основного капитала на принципиально новой технологической основе. Это предполагает повышение нормы накопления до 35–40% ВВП с ее концентрацией на прорывных направлениях глобального экономического роста. При этом инвестиции в развитие производств нового ТУ должны увеличиваться ежегодно не менее чем в 1,5 раза, доля расходов на НИОКР в ВВП – достигнуть 4% [там же, с. 5–6]. При этом увеличение финансирования следует концентрировать на

тех перспективных направлениях развития нового ТУ, в которых российские организации имеют конкурентные преимущества.

Одновременно авторы доклада предлагают ограничить свободу вывода капитала, особенно в нелегальных формах, задействовать некоторые резервы повышения бюджетных доходов за счет изменения правил расчета некоторых экспортных пошлин и налогов, введения налога на вывод капитала и валютнообменные операции и ряд других условий [там же, с. 11]. Пока же, констатируют авторы, средств у страны недостаточно. Подчеркивается, что реализация стратегии перехода к новому ТУ требует резкого повышения требований к управленческим кадрам, введения жестких механизмов ответственности за исполнение целевых показателей и соревновательности за достижение лучших результатов.

Авторы утверждают, что перевод экономики на инновационный путь развития и подъем инвестиционной активности должен и может произойти в течение 5–10 лет. А задачи модернизации экономики с достижением мирового уровня конкурентоспособности и технологического развития могут быть поэтапно реализованы в течение 15–20 лет, с получением первых значимых результатов технологической модернизации уже через 3–5 лет [там же, с. 3].

На данном этапе большинство экспертов признают, что реиндустриализация не означает «свертывания» сырьевого сектора в пользу обрабатывающей промышленности. Речь идет о переходе к новой модели экономической стратегии и политики, которая позволила бы значительно более эффективно использовать рентный ресурс для диверсификации экономики [Рязанов В.Т., 2011. с. 151]. Топливо-энергетический комплекс (ТЭК) должен превратиться в значимый наукоемкий и высокотехнологичный комплекс и одновременно стать генератором распространения инновационной волны по всему народному хозяйству [там же, с. 174]. Преобразованный ТЭК обеспечит расширение объема финансовых ресурсов, которые могут пойти на цели диверсификации. В настоящее время они используются не для целей структурной перестройки экономики РФ, а размещаются за рубежом, что означает не только их вывод из российской экономики, но и превращение в дотации иностранным потребителям российского сырья, укрепляя их конкурентные позиции. Российской финансовой системе эта политика обошлась прямой потерей 20–50 млрд. долл. в год только на разнице процентов, уходящих на поддержание американских финансовых пирамид [Рязанов В.Т., 2011, с. 174; Глазьев С.Ю. 2012; Клюка К.О., 2012, с. 8]. Более того, В.Л. Иноземцев утверждает, что энергетика

может стать одним из драйверов роста экономики при переориентации газовой отрасли на сжиженный газ и размещении российских танкеров во всех океанах, чтобы они могли в любой момент поставить этот газ туда, где он нужен [В. Иноземцев: Политическая..., 2012].

«Дорожная карта» новой индустриализации «Деловой России»

План «Деловой России» «Новая Индустриализация» (Концепция 25х25) ставит задачу создать к 2025 г. в конкурентном секторе экономики России 25 млн. современных рабочих мест с производительностью не менее 3 млн. руб. в год, в том числе в секторе предприятий, ориентирующихся на высокий внутренний спрос (импортозамещение), в традиционных высокотехнологичных российских отраслях (энерго-, атомном и других секторах машиностроения), на производствах по глубокой переработке российского сырья и ресурсоемких производствах, ориентированных в основном на экспорт, а также в сельском хозяйстве и жилищном строительстве, секторе «новой экономики» (медицина, образование, социальные услуги) и в секторе малого бизнеса [План «Новая...», 2011].

При этом в отличие от экспертного сообщества, рассматривающего в качестве главного направления реформ осуществление макроэкономических и институциональных изменений, «Деловая Россия» предлагает начать переход к новой конкурентной модели развития российской экономики «снизу», на базе проектного подхода. Апробация разработанной «Деловой Россией» «Дорожной карты» новой индустриализации предполагает осуществление 10–15 наиболее эффективных проектов федерального уровня, реализация которых дала бы толчок развитию соответствующих секторов в промышленности, сельском хозяйстве, социальной сфере, а также смежных отраслей экономики. Эти пилотные проекты позволяют выявить узкие места и общесистемные проблемы в экономике в целом и уже на основе полученного опыта выработать программу институциональных изменений.

Наиболее эффективным путем реализации пилотных проектов является создание кластеров федерального уровня, имеющих общесистемное значение и оказывающих влияние на экономику страны в целом. В отличие от отраслевого подхода, деформирующего экономику за счет лоббирования интересов отдельной отрасли или компании, кластеризация позволяет сформировать комплекс-

ный взгляд на государственную политику развития экономики страны и региона с учетом потенциала глобальных и региональных экономических субъектов. Основными кластерообразующими факторами являются ресурсы, технологии и наличие якорных компаний, а базовыми условиями для создания эффективных кластеров – географическая концентрация, специализация и множественность экономических агентов. Входящие в кластер предприятия одновременно сотрудничают и конкурируют друг с другом в рамках концепции «соопетитион», что позволяет сочетать преимущества частной инициативы, стремления к развитию и кооперации, снижающей издержки. Эффективность кластера в значительной мере зависит от функционирования системы взаимодействия государства, выступающего инициатором создания кластера и разработчиком пакета конкретных для каждого кластера мер поддержки, с бизнесом, действующим в конкретном кластере, а также от системы договорных обязательств с инвесторами. При этом прямое участие государства в финансировании проектов может даже помешать развитию кластера. Основная роль отводится государству в определении правил работы каждого кластера и в формировании органов его управления, контрактации управляющей компании, которая в оптимальном варианте должна быть частной и стимулированной на конечный результат.

Важным элементом новой модели государственного управления на переходном этапе реализации «дорожной карты» является отделение функции «управления развитием» от «управления текущим состоянием российской экономики». Поэтому «Деловая Россия» предлагает для реализации первого этапа «дорожной карты» создать новый орган – Администрацию развития, которая будет работать на принципах проектного управления, координировать процесс создания и управления набором кластерных проектов и отвечать перед правительством за выполнение «дорожной карты». Вместе с тем успех этих проектов во многом будет зависеть от эффективности управления экономикой страны в целом и реализации правительством общесистемных шагов [Дорожная карта., 2011].

Уже в ходе работы съезда «Деловой России» в декабре 2011 г. В.В. Путину были представлены первые пять проектов кластеров – Ульяновского авиационного территориально-отраслевого комплекса (ТОК), Ростовского ТОК сельскохозяйственного машиностроения, Томского образовательного ТОК, Винодельческого ТОК Северо-Кавказского федерального округа, Ярославского фармацевтического ТОК, которые планируется создать в рамках реали-

зации Концепции 25х25 [Владимиру Путину представили..., 2011]. В настоящее время работа по отбору перспективных проектов кластеров продолжается.

Удастся ли России создать новую экономическую модель?

Анализ моделей перехода к постиндустриальному обществу и новой индустриализации показывает, что, несмотря на различие идеологии, в них содержится некоторые сходные положения. Как подчеркнул в выступлении на Гайдаровском форуме И.И. Шувалов, реиндустриализация, провозглашаемая в статьях В.В. Путина и Е.М. Примакова, не противоречит постиндустриализации, проповедуемой экономистами В.А. Мау и Я.И. Кузьминовым. В той модели, которую описали члены экспертных групп, есть место для новой индустриальной политики. В реальной жизни, подтвердил А.В. Дворкович, эти концепции так или иначе будут сочетаться [Гайдаровский форум-2012, с. 7, 35.].

Конечно, едва ли можно предположить, что, по крайней мере, в ближайшие годы, будет реализовано предложенное в «Стратегии-2020» сокращение расходов на оборону и правоохранительные органы, особенно учитывая, что ОПК рассматривается правительством как драйвер инновационных направлений в промышленности, а реформу МВД приходится проводить заново.

В то же время учет предложений экспертов, выступающих с различных позиций, просматривается уже в первых указах главы государства. В частности, в Указе «О долгосрочной государственной экономической политике РФ»¹ Президент дает правительству ряд поручений, направленных на создание и модернизацию высокопроизводительных рабочих мест, увеличение объема инвестиций, доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВВП, повышение позиции РФ в рейтинге Всемирного банка по условиям ведения бизнеса с указанием конкретных показателей и сроков. Кроме того, в данный указ включены поручения, касающиеся области стратегического планирования социально-экономического развития, совершенствования бюджетной, налоговой политики, повышения эффективности бюджетных расходов и государственных закупок, приватизации и совершенствования управления государственным имуществом, улучшения условий

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 596 // Собрание законодательства РФ. – М., 2012. – № 19. – Ст. 2333.

ведения предпринимательской деятельности, модернизации и инновационного развития экономики. Указом «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики»¹ глава государства поручил правительству РФ обеспечить увеличение реальной заработной платы как всего работающего населения, так и отдельных категорий (в сфере образования, здравоохранения, предоставления социальных услуг), принять программу поэтапного совершенствования системы оплаты труда работников бюджетного сектора экономики, обусловив повышение оплаты труда достижением конкретных показателей качества и количества оказываемых услуг и т.д. [В. Путин начал..., 2012].

Однако положительно оценивая появление в указах Президента РФ целевых показателей и сроков их достижения, эксперты указывают на нереалистичность и необоснованность некоторых из них, высказывают сомнения в возможности выполнения поставленных задач. Например, планируемого увеличения производительности труда к 2018 г. в 1,5 раза по сравнению с 2011 г. можно добиться только при среднегодовых темпах роста производительности примерно 7%, в то время как во всех программах среднесрочного развития предусматривается рост ВВП примерно на 4% в год. Такое сочетание показателей невозможно, поскольку они коррелируют между собой. Нереалистичен и показатель роста инвестиций. В последние десять в целом «хороших» лет он колебался в пределах 13–16% ВВП, поэтому его рост уже через три года до 25% ВВП маловероятен. Что касается таких показателей, как создание 25 млн. высокопроизводительных рабочих мест и увеличение доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей, то их достижение невозможно проконтролировать, в первом случае – из-за отсутствия определения «высокопроизводительного» рабочего места и, соответственно, статистических данных о их создании, а во втором – из-за того, что уже десять лет статистика ведется не по отраслям экономики, а по видам экономической деятельности [Николаев И., 2012, с. 24].

Серьезной проблемой, которую придется решать в ходе реиндустриализации экономики, является «кадровый голод», с которым столкнулась российская промышленность. Если передовое оборудование для начала можно купить за границей, то на подготовку квалифицированных рабочих и инженерных кадров, умею-

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 597 // Собрание законодательства РФ. – М., 2012. – № 19. – Ст. 2334.

щих на нем работать, требуется время, особенно учитывая полный развал системы как общего, так и среднего и высшего профессионального образования. Впрочем, та же проблема существует и в здравоохранении: высокотехнологичное дорогостоящее оборудование простаивает, потому что на нем некому работать.

Некоторые эксперты весьма скептически относятся к возможности быстрого освобождения от сырьевой зависимости и перехода к новой экономической модели. Так, В.Л. Иноземцев утверждает, что России не только не удастся совершить «прыжок» в постиндустриальный мир, она вряд ли сможет производить «нормальную» конкурентоспособную на мировых рынках промышленную продукцию, поскольку нынешняя коррумпированная система управления создает вектор, отталкивающий модернизацию. В этих условиях шанс на нормальную реиндустриализацию – менее 10% [В. Иноземцев: Политическая..., 2012]. Кроме того, постсоветский опыт показывает, что главный риск развития России – это кризис способности государства к реализации важнейших проектов и проведению сложных реформ. Поэтому в первую очередь необходимо кардинально повысить качество государственного управления [Громов А., Куричев Н., 2012, с. 23]. С.С. Губанов вообще считает, что только выбор в пользу вертикально-интегрированной, государственно-корпоративной формы собственности обеспечит успех неоиндустриализации [Губанов С.С., 2011].

Литература

1. Акаев А. О стратегии интегрированной модернизации экономики России до 2025 года // Вопросы экономики. – М., 2012. – № 4. – С. 97–116.
2. Акиндинова Н.В., Алексашенко С.В., Ясин Е.Г. Сценарии и альтернативы макроэкономической политики: Доклад / Высш. шк. экономики – Нац. исслед. ун-т и др. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2011. – 74 с.
3. Арсухин Е., Арабов П. Промышленность на голом энтузиазме // Известия. Экономика. – М., 2010. – 09.12. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/369006><http://www.izvestia.ru/news/369006><http://www.izvestia.ru/news/369006><http://www.izvestia.ru/news/369006><http://www.izvestia.ru/news/369006>
4. Байнев В.Ф. Факторы деиндустриализации и девальвация национальной валюты как важнейший из них // Белорусский экономический журнал. – Минск, 2009. – № 3. – С. 14–24.

5. Белоусов Д.Р. В главных ролях: Нужна новая индустриализация // Ведомости. Архив. – М., 2012. – 23 мая. – Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/281299/nuzhna_novaya_industrializaciya
6. Вершинин П. Модернизация на новых началах // Файл-РФ. Политика. – 11.11.2011. – Режим доступа: <http://file-rf.ru/context/875>
7. Владимиру Путину представили пилотные проекты территориально-отраслевых комплексов Новой индустриализации // Деловая Россия. Юбилейный съезд. – М., 2011. – 23 декабря. – Режим доступа: <http://www.deloros.ru/main.php?mid=24&doc=21789>
8. В. Путин начал новый срок с выполнения своих обещаний // РБК. Политика. – М., 2011. – 07 мая. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/politics/07/05/2012/649540.shtml>
9. В. Иноземцев: Политическая воля – это абсолютное и главное // Однако. – М., 2011. – № 32 (96). – Режим доступа: http://www.odnako.org/magazine/material/show_13113/
10. Выступление Владимира Путина на VII Ежегодном бизнес-форуме Деловой России // Национальный форум Деловой России. – М., 2011. – 25 мая. – Режим доступа: <http://www.forum.deloros.ru/forum2011/551.html>
11. Гайдаровский форум-2012. Россия и мир: 2012–2020 // Экономическая политика. – М., 2012. – № 2. – С. 6–57.
12. Герасина Ю.А. Современные российские корпорации: проблемы становления и развития // Труды Вольного экономического общества России. – М., 2008. – Т. 95, № 3. – С. 169–179.
13. Глазкова Л. Новая реиндустриализация // Российская Федерация сегодня. – М., 2011. – № 22. – С. 32–34.
14. Глазьев С.Ю. Как построить новую экономику // Эксперт. – М., 2012. – № 7 (790). – С. 54–57.
15. Глазьев С.Ю. Мировой экономический кризис как процесс замещения доминирующих технологических укладов // Официальный сайт С. Глазьева. Наука и экспертиза. – 21.07.2009. – Режим доступа: <http://www.glazev.ru/scienexpert/84/>
16. Гринберг Р.С., Горшков М.К. Двадцать лет российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Инициативы XXI века. Материалы онлайн. – 2012. – Режим доступа: <http://www.ini21.ru/?id=1527>
17. Громов А., Куричев Н. «Витязь» на распутье // Нефть России. – М., 2012. – № 1. – С. 19–23.
18. Губанов С.С. Неоиндустриализация плюс вертикальная интеграция (о формуле развития России) // Экономист. – М., 2008. – № 9. – С. 3–27.
19. Губанов С.С. Системный выбор России и уровень жизни // Экономист. – М., 2011. – № 11. – С. 3–55.

20. Дорожная карта Новой индустриализации // Деловая Россия. Материалы. – 16.05.2011. – Режим доступа: <http://www.deloros.ru/main.php?mid=368>
21. Иноземцев В.Л. Воссоздание индустриального мира: Контуры нового глобального устройства // Россия в глобальной политике. – М., 2011. – Т. 9, № 6. – С. 85–98.
22. Клюка К.О. Новая индустриализация – вектор развития национальной экономики // Государственное управление. Электронный вестник. – М., 2012. – № 31. – С. 1–11.
23. Коптев В.И. Сравнительный анализ приватизации в России и зарубежных странах // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 28 (209), Вып. 30: Экономика. – С. 82–85.
24. Николаев И. Указы в цифрах // Прямые инвестиции. – М., 2012. – № 6. – С. 24.
25. Обретение будущего: Стратегия-2012.: Конспект. – М.: Экон-информ, 2011. – 95 с.
26. Основные тенденции политического развития России. Сентябрь 1994 г. / Научно-исследовательский институт социальных систем. – 24.07.2012. – Режим доступа: http://niiss.ru/misc_sep94.shtml
27. О стратегии развития экономики России: Препринт / Под ред. С.Ю. Глазьева. – М: ООН РАН, 2011. – 48 с.
28. План «Новая индустриализация» // Деловая Россия: Материалы. – 16.05.2011. – Режим доступа: <http://www.deloros.ru/main.php?mid=193>
29. Плужник М.В. Индустриальный прогресс как условие трансформации модели рентно-ресурсной экономики // Вестник науки Сибири. – Томск, 2011. – № 1. – С. 434–438.
30. Пономаренко Н. Новый век – новая индустриализация // Госбук. Сообщество. Модернизация экономики и технологическое развитие промышленности. Блоги. – М., 2011. – 20.05. – Режим доступа: <http://www.gosbook.ru/node/23868>
31. Примаков Е.М. 2011 год: взгляд в будущее // Российская газета. Государство. – М., 2012. – 16 января. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/01/16/primakov.html>
32. Принуждение к инновациям: стратегия для России: Сборник статей и материалов / Под ред. В.Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. – М., 2009. – 288 с.
33. Путин В.В. О наших экономических задачах // Российская газета. Государство. – М., 2012. – 30 января. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/01/30/putin-ekonomika.html>
34. Разуваева Н.Н. Приватизация в России: национальные особенности // Вестник ВЭГУ. – Уфа, 2009. – № 4. – С. 52–64.
35. Решетникова Е. Стратегия вместо политики // Российская газета – Промышленное обозрение. – М., 2011. – № 822 (40). – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2011/11/08/strategia.html>

36. Рогов К.Ю. Новая модель экономического роста: от экономики спроса к экономике предложения / Стратегия-2020. Документы группы 1. – М., 2011. – 12 с.
37. Рязанов В.Т. Экономика рентных отношений в современной России // Христианское чтение. – СПб, 2011. – № 4. – С. 149–176.
38. Самедова Е. Куда кривая выведет // Профиль. – М., 2012. – № 11. – С. 10–14.
39. Серегин О. Весенние диалоги в ВШЭ и Стратегия-2020 // Стратегия-2020. Экспертные группы по обновлению Стратегии-2020. – 27.03.2012. – Режим доступа: <http://2020strategy.ru/news/32714929.html>
40. Сироткин Д. Инновационный бизнес обеспечивает выпуск менее 20% всей инновационной продукции в России // Деловой Петербург. Рынки. Экономический форум. – СПб., 2012. – 21 июня. – Режим доступа: http://www.dp.ru/a/2012/06/21/Innovacionnij_biznes_obes/
41. Стадник И. Гайдаровский форум: Модернизационные стимулы стоят на площадях // Open economy. Макроэкономика. – 21.01.2012. – Режим доступа: <http://www.opec.ru/1390583.html>
42. Стенограмма отчета В. Путина в Госдуме // Российская газета. Государство. – 11.04.2012. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/04/11/putin-duma.html>
43. Степашин: Чубайс честно признался в задаче приватизации 90-х // Взгляд. Деловая газета. Новости. – М., 2012. – 17 февраля. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2012/2/17/562105.html>
44. Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика: Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. – М., 2012. – 864 с.
45. Стратегию-2020 мог написать еще Гайдар в 1995-м // НаканунеRU. Аналитика. В России. – 16.03.2012. – Режим доступа: <http://www.nakanune.ru/articles/16332>
46. Стратегия-2020. Неужели правительство будет это реализовывать? / Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Аналитика. Наши комментарии. – М., 2012. – 28 марта. – Режим доступа: http://rusrand.ru/daily/daily_717.html
47. Трейвиш А.И. Промышленность в России за 100 лет // Россия в окружающем мире. Международный независимый эколого-политологический университет. – М., 2002. – Режим доступа: <http://www.rus-stat.ru/stat/7042002-1.pdf>
48. Условия, организационно-правовые механизмы и ресурсы модернизации: Аналитический доклад «Инновационное развитие России: стратегия, ресурсы, законодательные решения». VII Байкальский международный экономический форум / Под общей редакцией В.Д. Кривова // Официальный сайт законодательной Думы Томской области. Информационно-методические материалы. Информационный бюллетень. – Томск, 2012. – № 3 (132). – Режим доступа: <http://duma.tomsk.ru/page/21327/>

49. Чувакина В.С. Новая индустриальная модернизация и повышение конкурентоспособности российской экономики // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2011. – № 3. – С. 84–87.
50. Шмелёв Н.П. Экономические перспективы России // Социологические исследования. – М., 1995. – № 3. – С. 12–16.
51. Шмелёв Н.П., Фёдоров В.П. Потребитель – двигатель прогресса // Независимая газета. Идеи и люди. – М., 2012. – 30 мая. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ideas/2012-05-30/9_consumer.html